

16+

Светлана Семионичева
Любовники моей матери

Светлана Семионичева
Любовники моей матери

«Автор»

2010

Семионичева С.

Любовники моей матери / С. Семионичева — «Автор», 2010

ISBN 978-5-532-99699-1

Молодая девушка, рано потерявшая мать, ищет ее старых знакомых, чтобы побольше узнать о ней и о себе. В процессе поисков происходят события, переворачивающие всю жизнь героини. Среди любовников матери она находит настоящего отца и встречает свою первую любовь. Из отзыва читателя: «Такое горе, такое горе эта человеческая жизнь, даже когда счастье. Особенно, когда счастье. И очень особенно, когда любовь».

ISBN 978-5-532-99699-1

© Семионичева С., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть первая. Пролог	5
Часть вторая. Дневник	8
Часть третья. Разумихин	11
Часть четвертая. Щербаков	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Светлана Семионичева

Любовники моей матери

Часть первая. Пролог

Наверняка терять близких тяжело в любом возрасте. Я часто слышала от случайных людей, желавших принять участие в моей судьбе, странную фразу «хорошо, что хоть не в два года». Мне это всегда казалось глупым, ведь если бы я потеряла мать в два года, скорее всего мне не удалось бы даже приблизительно запомнить, как она выглядит, а уж тем более понять, что она собой представляет. Возможно, у меня не было бы такого счастливого детства, я бы с малых лет чувствовала себя обделенной и выросла бы с этим ощущением, но не было бы такого резкого горького чувства утраты, когда слишком хорошо понимаешь, кого ты потерял.

Лишиться матери в двенадцать лет, все равно как если бы тебе выключили солнце на небосводе. Мое личное солнце было ярким, теплым, вдохновляющим и завораживающим атрибутом счастливой жизни, светившим круглый год. Где-то я прочитала, что с утратой солнца на земле наступит вечная мерзлота. С моей землей произошло именно это.

Мама часто в шутку, но с угрозой обещала нам с папой и бабушкой, что мы оценим ее только после смерти. Как она была права! Я пропускала мимо ушей все, что она пыталась вложить в мою легкомысленную голову, зачем, ведь мама здесь, рядом, надо будет – еще раз объяснит. Теперь я перебираю ее наставления как Кощей Бессмертный свои бесчисленные сокровища. Я развешиваю их по стенам своей души, как картины в музеях, а потом частенько захожу – люблюсь.

Возможно, если бы она и сейчас была со мной, мы вступили бы в полосу взаимных раздражений и неразрешимых противоречий, я бросилась бы на личном опыте опровергать все, чему она меня пыталась научить. Но волей судьбы этого не произошло, поэтому мне не с кем бороться, нечего и некому доказывать, и я в отличие от моих ровесниц застрахована от поступков назло. Может быть, именно поэтому мне все так легко дается, во всяком случае, легче, чем моим подругам, проверяющим все родительские советы на собственном горьком опыте. Я ничего не проверяю, а доверяю всему, что когда-то услышала от мамы и еще ни разу не пожалела об этом.

Я очень хочу быть похожей на нее. Она говорила парадоксальную вещь, что ей не хватает рядом такого человека, как она сама. «Вот бы мне такую же подругу или сестру, такую же мать или дочь, как я сама, я была бы счастлива. Если бы еще можно было встретить такого мужчину». Окружающим такие слова казались чем-то вроде богохульства, она вообще очень рискованно обращалась с религиозными догматами, за что бабушка частенько махала на нее руками «чур меня, чур меня», что было, в свою очередь, совершенно по-язычески.

Мама преподносила себя религии как подарок, если уж быть завоеванной какой-то концепцией, то, как центральный вымпел, как золотой кубок, а вера, облаченная в рясу, хотела видеть ее обыкновенным винтиком в своей многоуровневой машине, что, конечно же, было не для нее. За всю свою жизнь она так и не стала партийной, одновременно причисляя все мировые религии к политическим партиям, борющимся за многочисленных избирателей. Вечная жизнь и отпущения грехов были соответственно депутатскими обещаниями, раздаваемыми накануне выборов. При том она очень трепетно относилась к высшим силам, объясняла мне, что нужно верить не в Бога, а верить Богу, то есть доверять ему и принимать от него все, как должное. Она предпочитала общаться с Всевышним без посредников, и когда я изредка замечала у нее отсутствующее выражение лица, мне казалось, что в эти моменты она разговаривает

со своим Богом, прося у него прощения за прегрешения, объясняя свои поступки или обращаясь с просьбой.

Мама родила меня в двадцать лет, а через неделю, когда мы выходили из роддома, ей как раз исполнился двадцать один. Они поженились с отцом очень быстро, познакомились на майские праздники и через месяц расписались, тем более что скоро стало понятно – наедине я их уже не оставлю. Впоследствии мама объясняла мне, что выбирала не себе мужа, а мне – отца. «Я все равно с любым человеком уживусь, а тебе нужен был самый лучший».

Так вот, до папы у мамы была бурная личная жизнь. Это никогда не скрывалось, а всегда подразумевалось. В нашем доме с самого начала существовали люди, некогда страстно влюбленные в маму. У мамы была потрясающая способность делать их друзьями семьи. Я не слезала с рук дядь Андрюш, Леш и Дим, папа изредка возмущался, советовал им начинать жить, наконец, своей жизнью и заводить свою семью, а мама уговаривала его как победителя быть великодушным с побежденными. Я, мало вникая во все сложности и перипетии тонких, чтобы не сказать «высоких» отношений папы с мамой и ее «свитой», была чрезвычайно довольна таким разнообразным мужским обществом, так как все комплименты, которые в папином присутствии маме сделать было неудобно, доставались мне, и я с самого раннего детства привыкла к атмосфере обожания и восхищения.

Поэтому, когда с маминым уходом утихли шумные компании, прекратился легкомысленный флирт и все великовозрастные поклонники, которых я привыкла считать своими, плавно отошли от нашего дома, мне стало вдвойне холоднее. Отец этой ниши заполнить не мог: будучи по природе своей человеком замкнутым, без мамы он окончательно отгородился от внешних раздражителей.

Конечно, скоро у меня самой начались походы в кино, свидания, ночные звонки, но это все казалось мне несерьезным и очень хотелось возродить тот необъяснимый лоск, который одна мама умела привнести во взаимоотношения с людьми.

Мой папа всегда был немногословен. Когда была жива мама, все еще как-то с ее слов разбирались в отцовских ощущениях, поскольку она знала его, что называется, «как облупленного». Все знакомые прошли через удивление, когда по одному нахмуриванию брови или выпячиванию нижней губы мама соглашалась или отказывалась в ответ на какие-то предложения от имени папы и никогда не ошибалась. Сколько раз я наблюдала такую картину. Едем в машине, папа молчит. Все вроде бы нормально, но так может показаться только постороннему человеку.

– Ты чем-то расстроен, дорогой? – мама начинает подбираться издали, – что-то случилось? Что тебе не понравилось, солнышко?

Папа делает вид, что все в порядке, но я уже знаю, что стоит им минут десять посидеть на кухне вдвоем, как папа разродится гневной тирадой, чаще всего сопровождаемой заливистым маминым смехом, чем и исчерпывался обычно весь инцидент. Мама умела руками разводить все папины сомнения и переживания, после чего он ходил сконфуженный, но довольный и к нему можно было подходить с любой просьбой. Хотя, естественно, все основные решения в семье принимала мама. К папе я чаще всего подходила за деньгами, зная, что он не пустится в расспросы, куда и зачем ушли предыдущие финансовые вливания.

К чему я все это говорю? В терзающем меня вопросе самоопределения папа, со свойственным ему неумением выражать свои чувства, и бабушка, всегда некоторым образом оторванная от реальности, все видевшая в искаженном эзотерическом смысле, вряд ли могли мне помочь. Папа как-то рассказывал, что при жизни бабушка с мамой не очень ладили, часто спорили и не могли ужиться вместе. После смерти бабушка маму явно канонизировала в своем обширном пантеоне и не позволяла слова резкого о ней сказать. Но мне не нужна была мать святая, я как раз дорого бы отдала, чтобы узнать её со всех сторон, целиком и полностью, как сказала бы бабушка.

Я заметила, что у женщин, неважно, подруг или сестер, был разного размера зуб на мою мать, что только укрепило мое желание докопаться до истины. «... Марине на самом деле повезло с Борисом, не каждый мужчина выдержит тот бордель, который существовал у вас дома: толпа народу, вечно кто-то приезжает, живет, телефон разрывается, а сколько мужиков вокруг нее крутилось. Борис на все смотрел сквозь пальцы, он ей верил, ха-ха!» Так говорила, поджав губы, мамина какая-то там сестра, которую мой отец, кстати сказать, никогда не любил.

Он вообще мало кого любил, можно даже сказать, никого не любил, кроме моей матери и меня. Он всегда хотел, чтобы родилась девочка, никогда мальчик, чтобы не было соперника, и каждый раз, когда мы с мамой выходили вечером его встречать после работы или давали ему по кусочку чего-нибудь вкусного или просто мурлыкали, прижавшись носом к его плечу, он повторял, как он был прав в своем желании иметь дочку.

Мамины подруги говорили разное. Тетя Наташа, старая дева, как насмешливо характеризовал ее папа, убеждала всех, что моя мама была гениальным человеком, а мы висели на ней обузой и помешали ее таланту раскрыться до конца. Тетя Катя, высокого роста, с длинными волосами и голубыми глазами объясняла, что моя мама всегда хотела всего и сразу, а это очень сложный путь, редко приносящий удовлетворение. Тетя Света, дорого одетая, с макияжем, имитирующим отсутствие макияжа, и прочими атрибутами бизнес-леди сетовала, что с маминими данными можно было сделать такую карьеру, вместо того, чтобы двигать эту чертову никому не нужную науку, сплошь усыпанную мужиками-шовинистами. Только тетя Юля, улыбаясь, говорила: мы с твоей матерью оказались самыми умными – и погуляли и семью завели и детей родили, не то, что некоторые, кивала она в сторону бывших однокашниц, оставшихся одиночками.

Из людей, способных пролить свет на таинственную фигуру моей матери, оставался только дед, мамин отец, но он жил очень далеко, в деревне, и в его восприятии жизни все было более чем просто. Марина – его единственная, а потому любимая дочь – прекрасный человек, настоящая красавица, и, что удивительно, умница (здесь с многозначительным видом поднимался кверху указательный палец левой руки, правый был поврежден в связи с производственной травмой). Дальше – еще проще и однозначней: идеальная жена, ласковая мать, талантливый ученый, видный общественный деятель и т.п. К этим, не допускающим фантазий формулировкам, мне всегда хотелось добавить, характер нордический, беспощадна к врагам рейха, потому что фраза про то или иное отсутствие порочащих связей к маме явно не подходила.

Понятно, что целостной картины эти заявления, естественно, не давали. Подозреваю, что многие мои ровесники и знать не знают и знать не хотят, что собой представляют их родители, но прекрасно себя при этом чувствуют. У меня же буквально свербило в одном месте, было такое ощущение, что без понимания, кто такая была моя мать, мне никогда не стать собой. Быть похожей на нее или стремиться от нее отличаться, невозможно было без понимания личности, которой она была. Ради этого я сотни раз пересматривала ее фотографии. На меня смотрело солнце: теплое, ласковое, полное бесконечного света, который не кончается и не отключается. Как такой стать и легко ли быть такой – это не давало мне покоя, это сводило меня с ума.

Еще меня очень волновало, кого же она по-настоящему любила. Фотографий с молодыми и не очень людьми было больше десяти, кто из них, что значил для нее, никто мне ответить не мог. К папе с такими вопросами я, понятное дело, не обращалась, а бабушка остужала меня требованиями объяснить, зачем мне это знать. Подписи на обратных сторонах изображений мне ни о чем не говорили, кроме того, что среди них были в том числе и хорошо известные мне дядя Андрюша, Дима и Леша. Выражение маминого лица везде было универсальным, таким же как на свадебных фотографиях. Если папу больше ни с кем, кроме жены, таким улыбчивым не видели, то мама рядом со всеми лучилась счастьем как новобрачная, даже со своими бесчисленными двоюродными и троюродными братьями и дядьками.

Часть вторая. Дневник

– Бабушка, а что это за парень такой кудрявый? – в очередной раз пыталась я добиться от бабушки чего-нибудь путного, перелистывая мамин девический альбом одним весенним вечером.

– Это Саша Разумихин, а зачем ты спрашиваешь?

– Интересно, а если я приду с ним познакомиться, он поймет, чья я дочь.

– Бог с тобой, дитя, они с мамой-то не виделись лет двадцать, так что он мог забыть, как она выглядит, а ты хочешь, чтобы он тебя узнал.

– Ты же говорила, что они с мамой чуть не поженились. Должен он в таком случае помнить свою невесту, все-таки не каждый день мужчины замуж зовут. Найду его номер по телефонной базе, придумаю какой-нибудь повод, приглашу в ресторан и спрошу хорошенько, какой он запомнил мою мать.

Бабушка на это тяжело вздохнула, исчезла в кладовке и после продолжительных шорохов и шума падающих книг извлекла старую коробку из-под шоколадных конфет.

– На, держи, а то ведь не уймешься никак.

Большого сокровища для меня нельзя было придумать. Письма, записки и дневник в ежедневнике 89-го года. Я быстро в этот раз засобиралась домой.

«Теперь, когда на несколько лет моя жизнь застынет в плену пеленок, бутылочек и сосок, сменивших цветы, любовные послания, нескладные стихи и вдохновенные объяснения, самое время вспомнить их авторов, наполнявших мою молодую жизнь таким веселым счастьем и ощущением избранности. Трудно сказать, с кого все это началось, если еще во втором классе, когда мы готовились к пионерскому слету, а сами даже не были еще пионерами, а всего лишь сменой, и придумывали вопросы к викторине, зарывшись с головой в «Пионер» и «Костер», я почувствовала, какое тепло исходит от Димкиной руки, когда он дружеским жестом кладет мне ее на плечо, так что мне самой захотелось обнять его в ответ, по дружбе, конечно.

В моей жизни никогда не было одного главного героя, всегда их было несколько. Даже тогда, в далеком втором классе с активистом Димкой конкурировали знойный юноша Сандро и рубаха-парень Иванов, которого даже не помню, как звали. Мальчишки тщетно пытались одержать верх друг над другом, не понимая, что мне одновременно импонировала Димкина интеллигентная манера выяснять отношения словами, а не кулаками, то, какими говорящими глазами смотрел на меня Сандро и вгонявшие в краску шутки, которыми смешил меня Иванов.

Конечно, больше всего мне подходил Димка, такой же красивый и чистенький, как я, такой же активист и отличник, но по моим зарождающимся понятиям об идеальных отношениях между полами, настоящий мужчина не должен был слишком уж хорошо учиться, так как отличная учеба – это женская прерогатива. Мог ли один человек быть таким, чтобы и подраться по надобности мог, и умное непонятное слово завернуть, и чтобы от рук его тепло исходило. Пока такого не было, я шла по жизни легко.

Я очень-очень любила Ромку – командира класса, куда я пришла новенькой в десять лет. У одноклассников даже появилась такая игра – Мальцева -Стрельцов, в которой Ромка бежит за мной, старается выхватить портфель, пишет стихи, рисует портреты, а я все только рву и выбрасываю. А в классе учительницы литературы на второй доске, которая стояла у стены и почти не использовалась, полгода не смывалась надпись Стрельцов + Мальцева = Любовь. Я боялась лишней раз на нее взглянуть.

В конце года он с задней парты прислал мне записку, которая долго валялась в моих девчачьих тайниках: два сердца – одно его, насквозь пронзенное стрелой и мое, до которого стрела не долетев, обломилась. Знал бы он, несчастный влюбленный, как по ночам я жарко

шептала, прячась под одеяло: «не люблю, не люблю, не люблю», когда уже знала наверняка, что очень люблю, жить не могу.

Но защищал меня от драчунов не Ромка, а Сережка Игнатов, на голову всех выше и шире, с которым мы сидели за одной партой всего два урока в неделю. Казалось бы. В меня вечно влюблялись все ребята, которые оказывались со мной за одной партой. Так и в жизни повелось. Я знаю, что любой мужчина, пусть он будет самый привередливый женоненавистник, если поживет со мной хотя бы два месяца, влюбится, даже нечего говорить. Такой я прекрасный человек.

Спустя какое-то жалкое лето, я перешла в другой класс и так же серьезно, не по-детски, полюбила Пашку. Пашка был скорее аутсайдером в нашем классном сообществе, в принципе тоже лидером, только наоборот. Он по вырисовывающемуся обыкновению так ничего и не узнал. Его трогательные записки с ошибками «предлагаю тебе дружбу» тоже где-то валяются. Спрашивается в чем причина продолжающегося невезения в любви – он меня любит, я его люблю, самое время ходить за ручку в парке, играть в морской бой и есть мороженое за семь копеек. Ан нет, угораздило меня в те замшелые времена неостребованно родиться моделью, короче, высокой девочкой. А возлюбленные мои все сплошь до груди мне не доставали, так что мои медленные танцы с любимым, сначала с первым, потом со вторым на школьных дискотеках, напоминали окружающим комнату смеха.

Из-за этих драматических переживаний я с незапамятных времен была убеждена, что неразделенная любовь – это, извините, тьфу по сравнению с любовью разделенной, но несчастливой, когда люди друг друга любят, но вместе быть не могут. Выпадает с тех пор мне эта комбинация из кона в кон. Но поразительно не это, а то что, даже будучи страстно влюбленной, я неизменно была окружена четким кольцом фаворитов, каждый из которых был мне одинаково близок и дорог. Один – на первом месте и человек пять-шесть на втором, дальше все остальные – и так с детского сада.

Да – забыла про самую первую встречу с Мужчиной. В детском саду в старшей группе. К нам пришел мальчик из первого класса школы. Авторитет. Можно сказать, бывалый. Окно открыл без помощи воспитателя. И сидя на подоконнике под развевающимися шторами, поплеывая с третьего этажа на проходящих внизу родителей, что-то безумно интересное мне рассказывал. Незачем и говорить, что я смотрела на него во все глаза. Вырисовывается картинка романтического героя. Не из моей привычной среды, вызывающий восхищение своими способностями, наделенный властью и авторитетом, одним словом, фаворит, а не темная лошадка.

В юношескую пору мне не хотелось связывать себя тесными отношениями с человеком из моего двора, школы или района. Интуитивно я чувствовала, что одним романом дело не закончится, а отставленный поклонник, живущий через дом, только зря глаза будет мозолить, если еще язык не распустил. Зачем мне лишние проблемы? Слава Богу, в Москве живем, не в Дурасовке какой-нибудь, где все друг друга знают, и выбрать не из кого.

Сашка Разумихин, подхвативший абитуриентку Московского университета под гранитными сводами, исходными параметрами вполне мне подходил. С него начинается еще одна особенность моих походов по мужским черепам – все особи, имеющие в своем послужном списке близкие отношения со мной, убедительно и молниеносно тащили меня замуж. С другой стороны в наше время отсутствия в стране секса под близкие отношения непременно нужно было подвести матримониальную подоплеку, чтобы спокойно ходить в кино, ездить на дачу и оставаться ночевать, если на дачу поехали родители.

Вот и Сашенька скоро, вооружившись коньяком, букетом роз, коробкой «Ассорти» (из которой я имела обыкновение съедать все конфеты с белой начинкой) и глупым видом, пришел знакомиться с моими родителями. Чего эти милые, интеллигентные люди, располагавшие, как им казалось, еще, по крайней мере, годами четырьмя до достижения мной матримониального

возраста, никак не ожидали. А было мне шестнадцать лет. И маячили передо мной вкуче со звучной фамилией будущего супруга кооперативная квартира, Жигули и, что бы вы думали, ни много, ни мало Париж. Будущий свекор Сергей Владимирович бывало, сидя на кухне с сигаретой «Космос» ударял себя кулаком по колену и говорил: «А, что, мать, не послать ли нам молодых в Париж, пускай залезут на эту самую, как ее, башню?»

Я и до сих пор, бывает, жалею, что сорвалась тогда с Сашкиного крючка. Зато годам к двадцати уже отвязалась бы от этого неотвратимого сомнительного эксперимента под названием «первый брак». Свадьба расстроилась потому, что даже в моей неопытной еще голове загорелась красная лампочка при мысли о том, по каким ничтожным поводам Сашка умудряется устраивать мне сцены ревности. Возможно, будь я опытной женщиной, я посмотрела бы на это сквозь пальцы, но тогда мне казались абсурдными заявления типа «ревнует – значит, любит» и иже с ними, поэтому я начала, что называется, плавно отползать. Пришлось, конечно, принести в жертву одного несчастного парня из соседнего дома, которого Сашка посчитал основным виновником моего внезапного охлаждения. Зато мне удалось убить сразу двух зайцев. Сашка, удостоверившись в своих самых дурных предчувствиях, отбыл оплакивать свое безвременно почившее доверие к женщинам, зато дворовые ребята стали дружно обходить меня стороной на всякий пожарный случай».

Часть третья. Разумихин

Человека с такой нераспространенной фамилией найти оказалось нетрудно, правда сначала я спутала его с его отцом, но все-таки успела вовремя разобраться. Серия звонков с уверенным голосом и отрететированной речью, и вот его секретарша записывает меня на среду в полдень. Я решила представляться журналисткой, по совместительству пишушей диссертацию о российских экономических реформах, что вполне может оказаться правдой в скором будущем, для этого надо всего лишь получить диплом и поступить в аспирантуру. Все равно я выгляжу старше, так что необязательно признаваться в своем еще не случившемся совершенноте.

Симпатичный двухэтажный особняк почти что в центре Москвы, расположенный так, что ни пешком, ни общественным транспортом не добраться, офис риэлторской компании, не самой известной, но все-таки, кажется, где-то я слышала это название. Из черного кожаного кресла в просторном кабинете мне навстречу поднялась пышная фигура плешивого губастого мужчины с маленькими глазками. Стараясь скрыть разочарование, я скороговоркой затараторила заранее подготовленный текст с просьбой об интервью для делового женского журнала. В чем Александру Сергеевичу нельзя было отказать, так это в пристрастии к женскому полу, это было видно по тому, как глаза его при взгляде на меня очень скоро стали влажными, а губы так и норовили расплыться в улыбке, отчего становились еще больше.

Увлечь его темой воспоминаний о бурной молодости оказалось невероятно сложно, так как в основном он норовил поделиться со мной своими настоящими страданиями на напряженной работе без преданного женского сердца. Вот не думала, что придется конкурировать со светлым образом мамы. На самом деле я боялась, что первый же герой ее романа узнает во мне знакомые черты и разоблачит всю мою авантюру. Наверное, я еще слишком плохо знаю мужчин, зачем, в самом деле, предаваться воспоминаниям о покинувшей возлюбленной, когда напротив сидит симпатичная молодая особа, с которой все еще может получиться.

– Вы явно похожи на Депардье, наверняка пользуетесь таким же ошеломительным успехом у женщин.

– Я Скорпион и этим все сказано. Это самый сильный знак в плане любовных отношений.

– Можете ли вы в таком случае вспомнить какой-нибудь провал на любовном фронте.

– Фу, какая неинтересная тема, – мой собеседник явно обиделся: – мне понадобится много времени, чтобы вспомнить подобный случай.

– Может быть в ранней молодости, из-за каких-нибудь юношеских комплексов. Поймите: наша задача показать вас максимально близким, узнаваемым человеком для наших читателей. Какой-нибудь Бэтмен, герой без недостатков не вызовет нужного эмоционального отклика, а мы хотим, чтобы читатели, особенно читательницы вас полюбили.

– И для этого вы хотите рассказать им о моих любовных неудачах?

– Зато никто не упрекнет вас в излишней самоуверенности. Простите, неужели в вашем прошлом имел место настолько тяжелый случай, о котором вы даже боитесь рассказывать. Вам предпочли другого человека?

– Если это нужно для формирования положительного имиджа, могу вспомнить один случай, произошедший со мной на «заре туманной юности», когда желаний уже было много, а опыта, пока не доставало, что и привело к неведомой мне в дальнейшем осечке. История довольно банальная. В общем, я встречался с чудесной девушкой, мы собирались пожениться, она очень нравилась моим родителям. Но у меня есть тяжелая черта в характере: как только я привязываюсь к человеку, у меня возникает необходимость во всем его, то есть ее контролировать. Это ее и не устроило. Я хотел постоянно знать, где она, чем занимается, с кем общается. И как только я терял с ней связь, а тогда, знаете, еще не было мобильных телефонов, я вскипал

мгновенно и выходил из себя, начиная придумывать всякие ужасы, в основном связанные с ее мифическими изменами.

Такой я человек, ничего не могу с собой поделать. Моя нынешняя жена-домохозяйка, никуда без меня не выходит, продукты заказывает по Интернету, по делам ее сопровождает охранник, все ее звонки я тщательно проверяю.

– Как же она согласилась на такое?

– Дорогая моя, за то содержание, которое она от меня получает, можно и не такое вытерпеть, тем более что я привез ее из-под Воронежа, думаете, там у нее была легкая жизнь.

– Ну хорошо, а с той девушкой, вы стало быть расстались?

– Да, она не смогла простить мне безосновательных вспышек ревности и прекратила наши отношения. Я страшно переживал, пытался все вернуть, объясниться, долго не мог отойти, забыть и только много позже наконец понял, что мне скорее всего повезло, что именно так все получилось. Свободолюбивая, независимая женщина, которая к тому же всерьез собиралась заняться наукой, испортила бы мне жизнь, постоянно давая повод для ревности.

– Вы можете ее описать, какая она была, чем привлекла вас, нашим читательницам будет интересно.

– Когда мы познакомились, она была еще очень молоденькая, что есть шестнадцать лет в то время, это ваше поколение в таком возрасте уже сплошь и рядом самостоятельные. Она училась в школе, помню, я пришел к ней в класс на дискотеку в фирменных джинсах (мне отец привез из командировки), произвел фурор среди ее подруг. Она еще не была особенно красивой. Плохо одетая, без прически, с примитивной косметикой, тогда все такие были. Ее отличали только глаза, я таких глаз больше в жизни не встречал. Казалось, они смотрят прямо в душу, обволакивают тебя и манят куда-то в глубину. Я при ней даже шутить не мог, как я обычно это делаю, друзья удивлялись, что со мной, почему я так странно себя веду в ее обществе.

Сразу было видно, что она очень умна, что впоследствии подтвердилось, но мне не нравилась ее излишняя доброта, стремление всех понять, оправдать любой поступок, я называл это бесхарактерностью, она со мной все время спорила. Хорошая была девчонка!

– Почему была?

– Так она же погибла, разбилась на машине, я вам не говорил? Да, совсем молодая, чуть за тридцать. Так мы с ней и не повидались больше. Я-то ее видел, только для нее сей факт остался тайной. Это было через несколько лет после нашего расставания. Она уже в Университете курсе на третьем или на четвертом училась, а мне как раз отец на двадцать пять лет новенькую семерку подарил. Я и подъехал к факультету, думал – удивлю. А она выходит шикарно одетая, в дубленке, уже яркая такая, кудрявая блондинка, и ее черная «Чайка» забирает с правительственными номерами, за ней, оказывается, очень высокопоставленный человек ухаживал. Помню, я напился тогда с горя.

Ой, у вас такой огорченный вид. Вы так близко к сердцу приняли мой рассказ. Но я же не умер, я же не зачах от разбитого сердца, мне тяжело это признать, но скорей всего мы просто были птицами разного полета, хотя я мог бы выгодно оттенить ее красоту и образованность. Но моя судьба и так сложилась удачно, а вот ее можно только пожалеть, вышла бы за меня, глядишь, живая бы осталась.

После этих слов у меня, естественно, пропало всякое желание продолжать знакомство, а он, разумеется, так и не узнал, почему я близко к сердцу воспринимаю его воспоминания, вот и не стеснялся в выражениях. Его последняя фраза – была бы со мной, ничего не случилось бы – еще долго стояла у меня в ушах. Наверняка, закрыл бы мою бедную маму на кухне среди кастрюль, и было бы у меня сейчас четверо братьев, если вообще у меня. От таких мужчин вряд ли рождаются девочки. Фу, как мне повезло с отцом. С этими мыслями, по дороге домой,

я решительно свернула на колхозный рынок и, стараясь не запачкать руки, купила два килограмма картошки и кусочек шпика, пожарю – порадую старика.

Я часто его так называю, и он не обижается, хотя на старика несколько не похож, только лысоват, конечно. Но он всегда был такой, даже когда они с мамой познакомились. Мама, всегда смеясь, говорила, что папа в старости будет с блестящей лысиной и с хвостом, есть какой-то актер с такой внешностью. Папа похож на многих артистов, потому что красивый, правда бреется редко, хотя я и подарила ему эту бритву с уникальной системой очистки, чтобы он не мучился с пенами и гелями. Когда он обрастает, вылитый татарин с полосками темной растительности, спускающимися к подбородку, поэтому его многие южные национальности принимают за своего: «Э, брат, что ищешь, давай помогу» или наоборот «генацвале-джан, будь другом, помоги».

Наверное, поэтому он гораздо лучше меня относится ко всем этим черным и объясняет мне, что подчас они добрее и честнее русских, именно потому, что их все притесняют. Мама бы сказала, что срабатывает эффект диаспоры, национального меньшинства и кучу других умных слов. По идее и я в скором времени должна буду свободно оперировать этими понятиями, я учусь почти на том же факультете, что и мама. Она бы тоже на нем училась, просто в ее время его еще не было, он только зарождался – наш социологический. Мама даже диссертацию писала по Питириму Сорокину, это основоположник нашей науки, только она изучала его философские взгляды, потому что социология еще была наукой враждебной развитому социализму и отголоском буржуазной пропаганды или чем-то в этом роде. Сейчас такой бред даже представить трудно, а раньше подобными формулировками пестрела вся научная литература, и находились люди, которые этим жили, в это верили и этому учили бедных и без того измученных всякой заумью студентов, таких как я.

Наш факультет называют «школой моделей», так много здесь красивых девушек. И я, естественно, в их числе. Может я и не такая яркая, как мама, говорят, мне не достает ее смелости, я тихая и спокойная как папа, но «кавалеров мне вполне хватает, хоть нет любви хорошей у меня». Подруги говорят, что я совсем обалдела в своем странном стремлении копаться в прошлом. Я тут убила всю группу, когда на чьих-то деньрожденных посиделках спела «Светит незнакомая звезда». Это мамина любимая песня, она пела ее, когда бывала в хорошем настроении, то есть достаточно часто, чтобы я выучила ее как молитву. Но мы отвлеклись. Следующим номером и в еженедельнике и в жизни шел Дмитрий Щербаков.

Часть четвертая. Щербаков

Из маминого дневника: "Димка был из тех новых мужчин, которых образование, жизненный опыт и куча времени, отданная прочтению философской литературы, сделало искателем новой жизни и новых отношений. Но практика российской действительности, государственный строй и широко распространенные местечковые традиции провинциальных городов, привнесенные вместе с «лимитчиками» в спальные районы столицы, а из областей пятиэтажной застройки никогда и не уходившие, возвращали к простому здоровому и от этого не менее обывательскому характеру жизни.

Такой вывод я сделала уже потом, а пока этот симпатичный и еще подтянутый юноша, восхищавшийся моей нестандартной внешностью и местом учебы, вводил меня в курс своей теории становления здорового поколения, рожденного от зрелых мужчин и молоденьких женщин. Все это как нельзя лучше соотносилось с излюбленным мужским рецептом семейного счастья, когда она у него последняя, а он у нее первый. Из чего, соответственно, вытекало, что согласно своей же теории, женится он никак не раньше тридцати пяти и, понятное дело, не на мне, так как я к тому времени молоденькой уже никак не буду. Я послушно внимала, не отрывая восхищенных глаз, всем его нетривиальным высказываниям и гадала, насколько же его хватит. Оказалось, на месяц. Ровно через месяц с нашего знакомства он предложил мне выйти замуж. Как абсолютно уверенная в победе, а потому смелая девушка, я завопила: «Но ты же говорил, что женишься только после тридцати?» На что последовал безапелляционный ответ: «На тебе я бы и сейчас женился».

Я всегда думала, что брак должен быть без любви. С симпатией, уважением, взаимным восхищением, безусловно, обоюдным половым влечением, но без того, что все банально именуют любовью. Иначе, ни на что времени не останется. Я представляла себе этот брак по любви. Будешь переживать, скучать, занимать рабочий телефон или бегать по автоматам, по вечерам сломя голову мчаться домой, чтобы его увидеть, или выстаивать многочасовые очереди за говяжьей вырезкой, чтобы приготовить ему ужин повкусней. На лекциях будешь думать о нем, ничего в голове не отложится, на работе – забудешь, что нужно делать и когда. Опять же ревность, начнешь себе придумывать, где он там и с кем, только зря нервную систему напрягать. Муж задержался после работы, ты по окнам прыгаешь, представляешь всякие ужасы. Грубое слово сказал – ты в слезы, висишь на телефоне, жалуешься маме или подруге. Свободное время тратишь на то, чтобы получше убраться, почище постирать и повкуснее приготовить. Дети пойдут – все навалится в еще большей прогрессии и так всю жизнь? Ну уж нет.

А вот если не любишь. Не переживаешь, не нервничаешь, не ждешь, наконец, вечера, чтобы встретиться вновь. Наслаждаешься каждой минутой. На учебе – учебой, на работе – работой, дома – домом, наконец! Есть муж – хорошо, нет мужа – еще лучше. Сидишь себе – занимаешься своими делами, музыку слушаешь, вяжешь крючком, по телефону болтаешь, по соседкам бегаешь. Никаких проблем. В конечном итоге и супругу дорогому достаешься свежая, спокойная, не измотанная в неравной схватке с борщами и швабрами, красивая и интересная лучшая половина, в придачу с кучей новостей и эксклюзивным взглядом на мир.

Димка для моего сценария счастливой семейной жизни подходил идеально. А поскольку, как я скоро поняла, девушку, вызвавшую у него матримониальные планы, он встретил впервые, в чувствах постоянен, так сказать, морально устойчив, я решила не торопиться, а оставить его про запас. Такой человек всегда пригодится, пока я буду окучивать менее терпеливых персонажей. В итоге я собиралась за него замуж три года подряд, причем непременно в августе, когда все приличные люди в основном разъезжались из Москвы, и я ощущала вокруг себя некий вакуум, который неизменно заполнялся преданным Дмитрием. Он за это время успел испытать бурную страсть к девушке из Мурманска, которая разорила его на авиабилеты до

данного города, жениться на ней, дабы помочь закрепиться в столице и развестись, когда она окончательно здесь обосновалась. Что и говорить, Димка – отличный парень! Кстати, он так и остается при мне со словами «когда-нибудь мы все равно поженимся», а против моих детей он ничего не имеет в силу собственного бесплодия».

С дядей Димой я была хорошо знакома, поэтому мне ничего не стоило вызвать его на разговор. Мы пошли гулять в парк рядом с его домом в Ясенево, где он вот уже больше двадцати лет жил со своей мамой. Он критиковал меня за мое увлечение пивом, так как сам всегда предпочитал благородные напитки, вот и сейчас в кармане добротной джинсовой рубашки оказалась красивая серебряная фляжка с «чивасом», который мне, кстати сказать, совсем не нравился, даже самогонку, которую делает дедушка, вкуснее пить.

Мама говорила, что он всегда то худел, то полнел, так что сейчас как раз была худая стадия. Пухлые губы, теплые карие глаза, густые волосы с небольшой проседью – Дима и сейчас был привлекательным, наверняка, с десяток его студенток видят во сне своего преподавателя, но во мне он не вызывал ничего, что напомнило бы мне о том, что я женщина, впрочем, как и у мамы. Дима воздействовал на человека во мне, то есть на мозги. Думаю, поэтому они с мамой так и не поженились.

– Дядя Дим, я похожа на маму?

– Сколько тебе говорить, чтобы не называла меня этим дядей, я ведь еще не такой старый, вполне могут принять за твоего кавалера, а Катюш? Он ласково привлек меня к себе, обдав тягучим запахом дорогого парфюма. Но мне нравились более легкие и свежие запахи, я сама частенько пользовалась мужскими ароматами, например, голубым Хуго Боссом. Оказывается, Хуго – это Кузя, Кузьма по-русски, кто бы мог подумать.

Я ловко увернулась от его объятий, дав понять глазами, что настаиваю на своем вопросе, а не просто «разговоры разговариваю». Он вздохнул и привычным движением наморщил лоб: «не понимаю я этого сугубо женского понятия «похожи», почему вы так любите выяснять, кто на кого похож и так сильно обижаетесь, когда вас сравнивают с кем-то? Никто ни на кого не похож, все люди разные и в то же время во всех есть что-то общее, например, у большинства женщин есть талия и бюст, далее по списку. В основном, все одеваются и наносят макияж. У всех похожие голоса, хотя бы тем, что выше мужского...»

Дядя Дима не мог без предыстории, поэтому я покорно слушала, начни с ним спорить, и залезешь в философские дебри на несколько часов.

– Тогда просто расскажи мне о ней, без всяких сравнений.

– Мне трудно тебе рассказывать, малыш, потому что некогда нас с твоей мамой связывали романтические отношения. Несмотря на нашу многолетнюю дружбу, я об этом прекрасно помню, так что давай уточним: тебя интересует, какой женщиной она была или каким человеком?

– Все меня интересует! – с жаром выпалила я. Он с сомнением посмотрел в мои горящие глаза, как бы выясняя для себя, насколько я выросла, и что именно мне уже можно доверить.

Мы дошли до развилки, и Дима хотел углубиться дальше в лес, но я испугалась холода и вывернула его на широкую, со всех сторон припекаемую дорожку.

– В пору моей юности мы зачитывались книжкой о маленьком принце, брали на вооружение этот благородный принцип «мы в ответе за тех, кого приручили». Так вот твоя мама никогда не руководствовалась этим принципом. Наоборот. Она делала тебя ручным и уходила, оставив тебя в полной растерянности, и ты как дурак плелся за ней, потому что ты уже привык, потому что рядом с ней хорошо, тепло и весело, а без нее серо и скучно. И очень скоро ты понимал, что таких прирученных у нее целый выводок, в котором на тебя может просто не хватить времени, но ты все равно не уходил, ты ждал своего момента, даже годами, этого сладостного ощущения, что она с тобой, что она твоя и все снова хорошо. Как ей это удавалось, я, поверь, не понимаю.

Сначала я даже не задумывался над этим, пока не понял, что у других женщин так не получается, что мне с ними не горячо не холодно, или сначала горячо, а потом невыносимо холодно. Вы ведь женщины на самом деле такие трезвые, расчетливые существа – вы делаете вид, что отдаете себя, чтобы потом забрать все, что только есть у очередного несчастного мужчины, и таких большинство, чтобы не сказать все. А твоя мама дарила себя бескорыстно, просто так, потому что ей так хотелось, мне даже кажется, что этого нельзя было заслужить, нужно было просто дождаться момента, когда на тебя снизойдет сия благодать. Вот это было удивительно. Жаль только, что она не хотела дарить себя кому-то одному, мне, например. Хотя с другой стороны правильно. Это было бы все равно, что держать в клетке птичку или цветок в горшке и никому не показывать, все ведь хотят красоту видеть и слышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.